

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Немало замечательных страниц оставила наша литература об Афоне. Вспоминаются афонские очерки Бориса Зайцева, Константина Леонтьева. Но время многое изменило в судьбе русского монастыря в Афоне, само его существование подверглось испытанию. Увы, будущее монастыря до сих пор неясно и внушает тревогу

Св. Андрей Рублев расписывает обитель. Миниатюра XVI в.

St. Andrei Rublev painting frescoes at the monastery. 16th-century miniature

Икона с изображением священной горы Афон в Греции
Icon with the view of the Mount Athos in Greece

Трудом славна сия обитель

Владимир МАЛЫШЕВ

...Снова неторопливо стучит дряхлый движок, снова плещут вокруг изумрудные волны залива Сингитикос, снова, словно стая черных галок, нахохлились на своих мешках на палубе неразговорчивые монахи. Я плыву в легендарный край — единственную в мире православную монашескую «республику», что затерялась среди дремучих лесов на севере Греции. Пароход, раз в день совершающий рейс между портом Урануполи и портом Дафни на Афоне, носит замысловатое, но вполне подходящее к этим местам название: «Достойно есть». Эти слова — начало первой строфы старинного гимна Богородице.

Несколько часов пути, и вот я в городке Кареас — единственном на Афоне, где помещается кинот — нечто вроде местного «парламента», в который входят представители всех 20 афонских монастырей: греческих, болгарского, сербского, румынского и русского. Каждый, кто хочет побывать на Святой горе, не минует этого места: только здесь можно получить «парамонис» — бумагу с двуглавым византийским орлом, разрешающую въезд. Некоторые считают это излишней бюрократической процедурой — ведь иностранец предварительно все равно должен испросить разрешение на посещение Афона в министерстве иностранных

дел Греции. Однако если число посетителей не ограничивать, то этот заповедный уголок, чудом сохранившийся в самом центре сверхиндустриальной цивилизации, быстро превратится в шумный туристский лагерь.

В Кареесе меня пригласил в гости старый знакомый — антипросоп (представитель) русского монастыря в киноте отец Николай. Мы уселись пить чай в его тесной, скромно, даже бедно обставленной каморке под старинными русскими иконами. Отец Николай сам накрывал стол, кипятил воду и заваривал чай. Благо, все было под рукой — закопченная плита-буржуйка с трубой под потолком стояла тут же в углу.

И вновь разговор зашел о горькой доле русского Пантелеймонова монастыря, или Россикона, как его называют в Греции. некогда богатая и славная обитель (до революции в ней было около трех тысяч русских монахов) без призора из России захирела. Некоторые здания, в том числе царский фондарики (гостевой дом), сгорели во время пожаров, другие ветшают от времени и нуждаются в срочном ремонте. Скиты и кельи в горах заброшены, многие исторические реликвии бесследно исчезли. У монастырской братии нет ни сил, ни средств, чтобы поддерживать все в должном порядке.

— Пополнение братии — вот о чем по-прежнему скорбит душа, — сетует отец Николай. — Нас, святогорцев, очень мало — сейчас в монастыре всего 30 иноков. Несколько братьев возвратились назад в Россию, не выдержав тяжких послушаний и оторванности от родины.

Уже после посещения Святой горы я узнал, что летом в Пантелеймонов монастырь прибыли из России на постоянное жительство девять монахов. Терпения им и мужества!

У антипросопа Россикона немало претензий к руководству Русской Православной Церкви. Отец Николай передал мне фотокопии писем, отправленных в разные адреса: митрополиту Филарету, председателю совета по делам религий при Совете Министров СССР (теперь уже бывшего). Все они полны слезных жалоб и просьб о помощи. Есть в них и упреки. Скажем, для нужд обители был прислан трактор «Беларусь» в экспортном исполнении, вовсе непригодный для местных условий: в Афоне — горы, а он предназначен для равнинных мест. Или прислали прогулочный катер «Амур-5», двигатель которого работает на бензине высшей марки и предназначен для пресной воды, а здесь — море, да и до прогулок ли монахам! Монастырь дает заказы на запчасти одни, а из Москвы присылают совсем другие. Картина, увы, до боли знакомая...

Обоснованность жалоб антипросопа мне подтвердили и в самом монастыре. Об этом говорили и все мои прежние знакомцы: настоятель Россикона архимандрит Иеремия и бывший его представитель в монастырском подворье в Переделкино под Москвой отец Виталий.

В Пантелеймоновом монастыре было множество мастерских: столярная, кожевенная, слесарная, в портновской шили рясы и другую одежду, в иконописной расписывали иконы, в золотильной золотили сделанные тут же иконостасы и оклады образов...

Широкой славой пользовалась знаменитая аптека — лучшая во всей Греции. Многие лекарства делали с использованием старинных рецептов из трав, собранных в лесах на Святой горе или присланных из других монастырей со всего света. Был здесь собственный зубопротезный кабинет! Такая «лекарская» традиция в афонском монашестве не случайна — ведь святой Пантелеймон был целителем и на многих иконах изображен с медицинской ложечкой в руке.

Монахи сами мололи муку и пекли хлеб, выращивали виноград и делали из него вино. В монастыре была своя типография, печатавшая для паломников книги и путеводители, которым могут позавидовать иные современные издания.

— Трудились все, — говорит отец Виталий, — даже пустынники, которые плели корзины и вырезали деревянные ложки. В одной старинной книге о Россиконе сказано: «Трудом славна сия обитель!» Воистину так!

Увы, ныне мастерские лежат в руинах. Забыты традиции древнего мастерства, превратилась нить, по которой передавались его секреты из поколения в поколение, а поломанные станки ржавеют в бурьяне. Гуляя по монастырю, я забрел в какие-то развалины. Среди хлама на полу нашел красивый кусочек твердого картона с виньеткой и надписью «Фото Св. Пантелеймонова монастыря на Горе Афон». Это все, что осталось от замечательной афонской фотолаборатории. Рядом валялись обрывки счетных книг. На одной почти истлевшей квитанции я прочитал: «Николаю греку за 120 лимонов. Из казначейства Пантелеймонова монастыря. 6 сентября 1896 года». Подумать только, в каком-то затерянном в горах монастыре за каждый проданный лимон выдавали отпечатанную типографским способом квитанцию, а потом ее аккуратно подшивали, хранили! Не обрывки мятой бумаги лежали передо мной, а осколки чуть ли не дотла разоренной цивилизации.

Но, несмотря на запустение, нынешнее поколение русских людей в черных рясах тоже трудится много и упорно. Их жизнь сурова. Без «благословения» игумена ни один монах не может покинуть пределы монастыря. Каждому ежедневно назначается послушание, то есть определенный вид работ: на огороде, на кухне, в трапезной... Чтобы отремонтировать машины (присланные из Москвы «уазик» и грузовик), чинить мебель, латать крыши, монахи оборудовали мастерскую, где стоит несколько хоть и не новых, но вполне современных станков. Есть даже газосварка. В монастыре имеется и движок, но электричество включают только на несколько часов днем — для холодильника на кухне. Недавно в море

выловили большую ржавую бочку, закопали ее в землю, и получилось импровизированное бензохранилище.

Тощие доходы Россикона складываются из продажи монастырского леса, но в прошлом году он сильно пострадал от пожаров и, значит, рассчитывать на него более не приходится. А богатые некогда виноградники сдаются в аренду грекам — сами монахи возделывать их уже не могут, не хватает рабочих рук.

Живут монахи по византийскому времени — разница с европейским пять часов. Утренняя начинается в час ночи по-московскому. Мы ложимся спать, а они идут на молитву, которая продолжается почти пять часов. Потом начинаются работы, то и дело прерываемые молитвами. Молятся и в своей келье. После каждой краткой молитвы монах передвигает четку на один шарик и делает поясной поклон. Таким образом рясофорный монах (низшая степень пострижения) совершает ежедневно до 600 поясных поклонов, а схимник — до полутора тысяч! Получается, что спят здешние монахи не более 4 часов, остальное время молятся и работают, не очень-то ублажая при этом плоть свою. Трапеза — два раза в день и состоит из похлебок (горох, бобы, зелень), каши и иногда рыбы. Мясо монахи не едят. По выходным дням подают масло, сыр, сладкое к чаю, стакан сладкого монастырского вина. Почти все доживают до глубокой старости. Помогает климат или святой целитель Пантелеймон?

Кто же они, эти люди в черных рясах, согласившиеся на тяготы монашеской жизни? Почему решили приехать на Афон, навсегда покинув родные места? Монахи в Россиконе — люди самые разные. Это и иконописный, словно сошедший с картин Васнецова, седобородый игумен Иеремия, и широкоплечий, всегда бодрый и улыбающийся отец Николай, и русский богатырь, приехавший сюда из Псково-Печорского монастыря отец Мартимян, и суровый, подпоясанный солдатским ремнем отец Корнилий... У каждого свой характер и своя судьба, которая привела его в Афонскую обитель.

Свой путь и у скромного инока отца Иннокентия — кавалера двух боевых орденов и солдатских медалей. Охотно согласившись рассказать о себе, он пригласил меня в свою келью. Уже смеркалось, и пришлось зажечь тонкую монастырскую свечу, которая освещала лишь небольшой участок стола, заставленный старинными книгами.

— Я родился в деревне Зубаревка Орловской области, — неторопливо начал отец Иннокентий, в миру Иван Матвеевич Дудкин. — Бабушка записала мне год рождения 1918, хотя кто знает, может, я родился и раньше. В нашей деревне сразу-то не писали, кто когда родился. Отец мой был красный конник, пришел с гражданской, да вскоре помер. Потом померла мать. Остались мы с сестрами. Жили в бедноте, а потом и сестры померли,

и остался я как перст на божьем свете...

Отец Иннокентий рассказывал, а я исподволь осматривал его келью — каморку около 8 квадратных метров. Железная кровать, направленная простым одеялом, стол, шкаф да один стул. На столе — свеча (в других кельях бывает керосиновая лампа), задуваемая вечными сквозняками. В углу — образа и часто — портрет Николая II. Типичное жилье афонского монаха...

Работать Ваня Дудкин начал рано, а в первый класс пошел, когда ему было уже 15 лет: школы в его деревне прежде не было. Проучился всего три года, когда в деревне стали создавать колхоз.

— Мы все бедные были, — вспоминает отец Иннокентий, — а вместе же, казалось, как-то сподручнее хозяйство поднимать. Я первый стал на тракторе работать. Меня всегда к технике тянуло.

Любовь к машинам привела будущего монаха в Харьков, где он поступил работать в гараж. Потом его забрали в армию, отправили в Литву, на границу. Там строили оборонительную линию «вроде Мажино или линии Зигфрида». («Ну, да она потом ненужной оказалась, немцы ее в два счета обошли».)

Грянула война. Иван Дудкин и в армии крутил баранку.

— Шофер, он везде шофер, — говорит. — А тут паника, наши солдаты раздетые бегут — немцы окружают! Стал я их на машине вывозить, скольких спас, уже не упомяну, да и сам еле ноги унес. Так и крутил всю войну баранку — от звонка до звонка.

Я на хорошем счету у начальства был, потому что не пил и работу любил, а вот в офицера не вышел: образование подкачало. Ранен? Нет, не был. Бог миловал. Награды за что? А за что на войне награды дают? За то, что живой остался! Словом, довоевался до Кенигсберга.

После войны демобилизовался, а работы нигде не найти: шоферов после армии пруд пруди, да и голод начался. Подался на Север. В Норильск, Красноярск. Там хоть и морозы, но работа была, машины были, да и платили неплохо. Не заметил, как доработал до пенсии. Поселился во Владимири, квартиру мне дали, хорошая была квартира. Пришел как-то в знаменитый Успенский храм в Суздале: тихо, спокойно, благолепие. А я тишину очень люблю. Наверное, после войны такое появилось. Стал в этот храм чаще ходить — понравилось. Да и помогал: то одно сделаю, то другое, в шоферах ведь многому научишься. Потом поехал в Печорский монастырь — я старину шибко люблю. Ну и там работал: то шоферил, то еще что-нибудь. А из Печор двое монахов уехали на Афон. Потом пишут оттуда: Ваня, приезжай, у нас шофера нету! Подумал, раз просят, надо ехать. Я ведь человек обязательный. К тому же Греция — интересно.

Написал заявление, а потом думаю, так ведь я же — не монах! А мне: ничего, поезжай, там разберемся! Так и приехал на Афон.

Уже здесь меня и постригли...

Я не жалею,— говорит Иван Матвеевич,— чувствую, что здесь нужен. Хоть и далеко от родимых березок, но ведь Пантелеймонов монастырь — частичка Русской земли и вокруг все свои. Я ведь патриот России. Мы за Россию здесь молимся, за всех наших солдат и офицеров, что на войне полегли, за всю землю Русскую. Мы тут для родины нашей нощу несем, кусочек ее махонький сберегаем. Ведь если не мы, то кто же все это здесь сохранит?

Увы, ни Церковь Русская, ни государство наше пока помощи существенной русским монахам на Афоне в тяжком труде не оказывают. И как ни бьется горстка иноков сберечь сокровища русской культуры, одним им с этой задачей не совладать. А с помощью надо спешить...

Но где те легендарные «сокровища Афона», о которых ходит столько легенд? Где древние иконы, привезенные в стародавние времена? Где щедрые дары царей, уникальные предметы церковной утвари из серебра и золота, усыпанные драгоценными камнями?

В ответ на эти вопросы монахи только горько посмеиваются.

— У нас давно ничего нет,— разводит руками игумен Иеремия.— Очень многое погибло во время пожара 1968 года, уничтожившего царский фондарики.

— Многое увезли сами русские,— добавляет отец Виталий.— Таможня на Афоне появилась лишь лет через десять после революции, и отсюда можно было свободно вывозить все. И увозили, чтобы ценности «не достались большевикам» и чтобы их не захватили греки. Сколько именно увезли, куда и кто, никому не известно. Ведь те отцы, во времена которых все это происходило, уже умерли и тайну сию унесли с собой в могилу. А точнее, в монастырскую «костницу», где хранятся их черепки...

Действительно ли в Россиконе уже нет прежних сокровищ? Или его обитатели тщательно хранят вековые тайны, скрывая их от любопытных? Трудно представить, чтобы в громадном древнем монастыре не было каких-то тайников, куда «на всякий случай» прятали бы все ценное. Кто знает...

Я думаю, что истина лежит где-то посередине. Многое и в самом деле пропало — во время турецкого господства, войн, после революции, от пожаров. Но наверняка кое-что монахи все же скрывают. Говорят, что у отца игумена есть личный сейф с особо ценными предметами, но нам он его не показал. В заключение хотелось бы рассказать еще об одной встрече. После первой публикации об Афоне меня пригласили, подчеркнув, что неофициально, в МИД Греции. Чиновник, ведающий проблемами Святой горы, в исключительно мягкой и любезной форме стал укорять меня за то, что в своей статье я употребляю слова «русский монастырь».

— На Святой Афонской горе,— говорил он,— нет русского монастыря и русских монахов. Это греческая территория, и все монахи на Афоне — граждане Греции...

Формально так оно и есть. В церковном отношении монастырь подчиняется Константинопольскому патриарху. У всех обитателей Россикона ныне греческие паспорта.

Вряд ли сейчас время отправляться в дебри истории и вспоминать о помеченной еще 1030 годом «чистой и неизменной» купчей о пожаловании келии русскому «монаху Феодулу, игумену обители Пресвятой Богородицы Ксилургу», в вечную собственность русского монастыря. И о других исторических документах, на основании которых русские люди селились на Афоне, приобретали или получали в дар там землю, строили церкви, соборы, разбивали скиты и кельи. Или вспоминать о том, что во времена оттоманского ига афонские православные монастыри, в том числе греческие, уцелели от уничтожения турками лишь благодаря заступничеству России. Не буду ссылаться и на Лозанский мирный договор 1924 года, по которому Греция обязалась признавать и соблюдать «традиционные права и свободы, которыми пользуются негреческие монашеские общины Афона».

Но вот передо мной ныне действующий «Устав Святой горы Афон», утвержденный греческими властями. В разделе третьем в статье первой при перечислении 20 афонских монастырей упоминается и «священная обитель русская». Значит, русский монастырь все-таки есть?

Конечно, знак вопроса, поставленный мной в конце этой фразы, так сказать, риторический. Русский монастырь на Афоне есть, и этот факт не меняется в зависимости от точки зрения того или иного чиновника. Есть в смысле историко-культурной реальности, существующей уже не одну сотню лет. Никто ведь не собирается претендовать на греческую территорию и не предлагает изменять греческие законы. И то, что в прекрасном уголке Эллады стоит сейчас древний русский монастырь с богатой историей, есть достояние не только русского и греческого народов, но и всей европейской цивилизации.

Русские монахи на Афоне — такая же часть истории Греции, как и России. Так же, как понтийские греки, и сейчас живущие на Русской земле,— часть и русской, и греческой истории. И это объединяет нас, дает возможность нашим народам и дальше строить мост дружбы, переброшенный через столетия.

...Когда мы уезжали с Афона, проводить нас пришли на пристань архимандрит Иеремия и отец Виталий. Мы трижды поцеловались по русскому обычаю, игумен осенил нас крестным знаменем: «Дай вам Бог счастливого пути!»

«Трудами стоит сия обитель, трудами и спасется,— говорил мне отец Виталий.— Как спасется трудами и вся Россия...»

Афон — Афины

Троице-Сергиева Лавра. Вид на колокольню и Троицкий собор, где покоятся мощи преп. Сергия Радонежского. Фото А. Миловского
The Trinity-Sergius Lavra. View of the belfry and the Trinity Cathedral preserving the remains of St. Sergius. Photo by A. Milovskiy

